

Издается - 1994 - 3 сент. - с. 7.

КЛИНТ ИСТВУД — КОВБОЙ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

LE FIGARO

Газета «Фигаро», Франция

64-летний Клинт Иствуд — один из столпов Голливуда. Этот замечательный актер и режиссер пользуется колоссальной популярностью на Старом континенте. Говорят, что он поднял вестерн до жанра искусства. В одном из редких интервью Иствуд, которого порой называют «молчаливым ковбоем», рассказывает о своей жизни и карьере.

— Где проходила ваша молодость?

— Я родился в Сан-Франциско 31 мая 1930 года и вырос на севере Калифорнии во время депрессии. Мой отец, бухгалтер, постоянно искал работу. Поэтому мне пришлось учиться в 8 или 9 разных школах. Мы переезжали из города в город на машине с караваном.

— Ни постоянного места, ни друзей?

— Я всегда в классе был новеньким. Привлекать говорить мало и оставаться незаметным.

— Вы мечтали стать актером?

— Нет. Я играл в баскетбол и участвовал в соревнованиях по плаванию. Но больше всего интересовался музыкой. Я обычно прибавлял себе несколько лет, чтобы меня принимали в джаз-клубы. Особенно любил регтайм и фортепьянные блюзы. Но никогда не думал стать актером.

— Как к вам пришла любовь к музыке?

— Я любил ее всегда. В 12 лет я открыл Фэтса Уоллера. Однажды мать принесла домой несколько его пластинок, сказав, что умер этот выдающийся пианист. Я вырос с его музыкой. В Окленде был очень популярен ритм-энд-блюз, которым я ужасно увлеклся. В 19 лет я уже все знал о Кинге Оливере, Бадди Болдене, Луисе Армстронге, Диззи Гиллеспи, Чарли Паркере. Нравилась мне и

классическая музыка. Рок-н-ролл, который я считал побочным продуктом ритм-энд-блюза, слушал мало.

— Ну а кто были вашими кумирами в кино?

— Как и все, я восхищался Богартом, Купером, Гейблом. Любил вестерны, где много действия, а также комедии. Я рос без телевидения и несколько раз в неделю ходил в кино. Но мне никогда и в голову не приходило быть похожим на кого-либо из актеров.

— Чем же вы занимались по достижении совершеннолетия?

— Случайной работой. Однажды я отправился с помощью автостопа в Орегон, чтобы самому зарабатывать себе на жизнь. Был мясником, рабочим на сталелитейном заводе... Но не имел ни малейшего представления о том, чем же мне все-таки заняться. Хотелось одного — ни от кого не зависеть.

— Как же возникло желание стать актером?

— Я поступил на службу в армию во время войны в Корее, и моя военная база находилась в Калифорнии. Я был спасателем и инструктором по плаванию. Познакомился со многими актерами. Один из них, Дэвид Джэнсен, рассказывал мне о Голливуде. Я ушел из армии в 1953 году и поступил в лос-анджелесский колледж. Часто бродил вокруг киностудии «Юниверсал», где некоторые мои ар-

мейские друзья работали операторами и помрежами. Я прошел пробу в одном немом фильме. После чего «Юниверсал» подписала со мной контракт, по которому я получал 75 долларов в неделю.

— Вы снялись в нескольких лентах, но говорят, что вами в первую очередь интересовались секретарши!

— Впервые об этом слышу... Меня тогда звали «Куп» — с намеком на Гарри Купера. Я всегда был молчуном. Через полтора года «Юниверсал» меня выгнала, решив, что из меня ничего путного не выйдет.

— Почему же?

— Они полагали, что у меня слишком слабый голос, плохие зубы. К тому же я был очень высоким и слегка косил. Я уже собирался бросить актерское ремесло, но в телестудии Си-би-эс познакомился с продюсером Робертом Спарксом. Он предложил мне сыграть в телесериале-вестерне.

— А потом появился Серджио Леоне?

— Да. В ту пору он был никому не известным европейским режиссером, снявшим всего одну картину. Леоне и предложил мне роль в итальянском вестерне «За несколько долларов». Фильм с бюджетом всего в 200 тысяч долларов был снят за 7 недель в Испании.

— Почему Леоне остановил свой выбор на вас?

— Я был единственным американским актером, который оказался ему по карману!

— И сколько вам тогда заплатили?

— 15 тысяч долларов. Бюджет был таким маленьким, что на съемках у нас не было ни туалета, ни душа. Весь мой гардероб состоял из пончо и шляпы, и, потеряв их, у нас возникли бы серь-

езные проблемы. Мне было позволено вносить поправки в диалог. Когда герой много говорит, он себя обедняет. Поэтому я без колебаний принялся сокращать диалоги. К тому же Леоне не говорил по-английски и не мог ничего возразить.

— Этот фильм прошел с большим успехом и только в Италии заработал 4 миллиона долларов. Всего вы снялись в 36 картинах, завоевали огромную популярность и получили два Оскара за вестерн «Непрощенный». Почему публика так любит этот жанр?

— В эпоху вестернов жизнь казалась легкой. Сегодня же бюрократическая система чрезвычайно усложнила нашу жизнь. Ну а в вестернах — даже если вы постоянно рискуете жизнью — кажется, что вы в состоянии управлять событиями. Тем самым возмещается личность.

— Какое ваше главное качество?

— Решимость. Без нее я ничего бы не достиг. Но не надо к себе относиться слишком серьезно. Мир кинематографа очень поверхностный. Мы не нашли ни средства борьбы с раком или СПИДом, ни того, как положить конец ядерной гонке. Мы развлекаем. Это приятно, но слишком мало.

— Что вы думаете об актерской игре?

— Каждый человек рождается актером. Дети — прирожденные комедианты. Я полагаю на свою интуицию, и публика меня тоже воспринимает инстинктивно. Как правило, во время съемок стараюсь не задавать себе много вопросов. Будь у меня аналитический ум, моя карьера, видимо, сложилась бы по-другому...

— В конце 60-х годов вы со-

здали вашу собственную продюсерскую компанию «Мальпассо»...

— Я стремился к независимости, чтобы осуществить все свои замыслы. Это было опасное и дорогостоящее пари. В то время многие меня отговаривали.

— Что вы думаете по поводу насилия в ваших лентах?

— Мир всегда был полон насилия — от крестовых походов до наших дней. Мы его видим в Библии, в греческих мифах, в произведениях Шекспира. В основе настоящей драмы всегда лежит конфликт, который и порождает насилие. Я ничего не имею против картин с сексом и актами насилия. Не надо только объединять два этих жанра в одном фильме.

— И при этом вы пацифист?

— Да. Даже когда я служил в армии, то был против войны в Корее, а потом против вьетнамской войны.

— Как вы относитесь к тому, что публика идентифицирует вас с героями, которых вы играете?

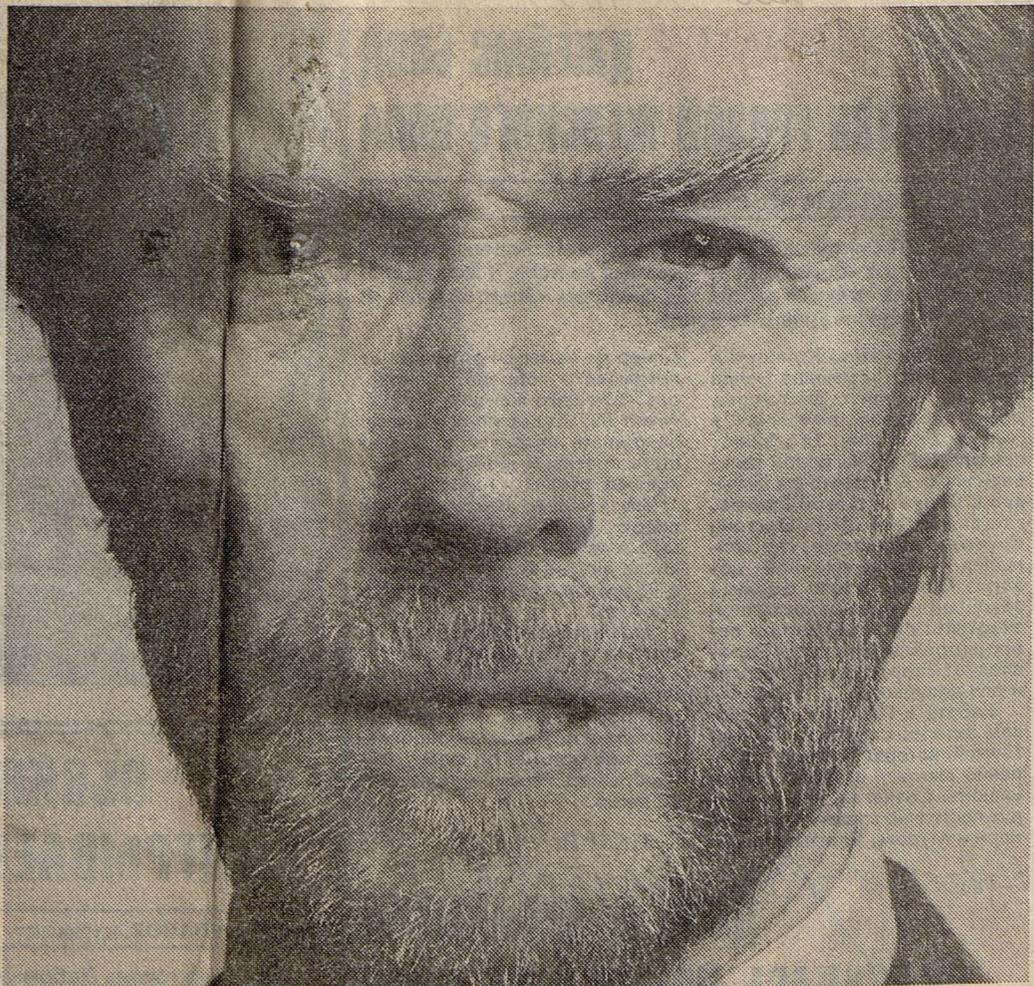
— Когда начинаешь карьеру, никогда не знаешь, кого придется играть — добряков, негодяев или романтиков. Поскольку я снимался в вестернах, приключенческих лентах, детективах, то публика думает, что я никогда не выхожу из дома без пистолета «магнум 44». Это совсем не так. Я не состою в охоте на животных.

— Изменили ли вашу жизнь полученные вами два Оскара?

— Ни в коей мере! Их ведь не присуждали многим великим кинематографистам. Надо сказать себе, что это приятный момент, и думать о другом.

— Вы были мэром городка Кармел в Калифорнии с 1986 по 1988 год. Вам это нравилось?

— Я полагал, что смогу что-то сделать, и, возможно, мне это

удалось. Я не только занимался обычными проблемами типа автомобильных стоянок, уличного движения и т.п., но и возродил в Кармеле дух товарищества, собрал людей вместе.

— Некоторые полагают, что вы могли бы стать хорошим президентом Соединенных Штатов, гораздо лучшим, чем другой актер... Вам не хотелось бы

попробовать?

— О нет, спасибо! Это не для меня. Посмотрите, как копаются в прошлом Билла Клинтона. Так могли бы разрушить и мою карьеру.

— Чем вы занимаетесь между съемками?

— Веду тихий образ жизни. Неплохо готовлю, особенно супы. Интересуюсь археологией и не-

много играю на пианино. Разумеется, я никогда не достигну уровня Фэтса Уоллера или Чарли Паркера, великого саксофониста. Я все время повторяю фразу из одного из моих фильмов: «Человек должен знать свой предел».

Юрий КОВАЛЕНКО.

ПАРИЖ.